

На правах рукописи

Параскева Елена Владимировна

**СИСТЕМА ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ МОТИВОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ И.С. ШМЕЛЁВА**

специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2018

Работа выполнена на кафедре филологического образования и журналистики филологического факультета бюджетного учреждения высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Ларкович Дмитрий Владимирович

**Официальные
оппоненты:**

Шатин Юрий Васильевич, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе

Селютина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры», доцент кафедры литературы и русского языка

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Защита состоится 13 декабря 2018 г. в 11-00 на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?id=51&rid=285582>

Автореферат разослан “ ___ ” _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
доцент

Е.Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Понимание глубины художественных открытий и философского содержания русской литературы XX века невозможно без обращения к творчеству И.С. Шмелева – одной из наиболее ярких и самобытных фигур Серебряного века и Русского зарубежья. Исследования российских учёных последних нескольких десятков лет включают диссертации, монографии, статьи, рассматривающие различные вопросы поэтики и мировоззрения писателя, закономерности русского литературного процесса начала XX века и первой волны русской эмиграции¹.

Степень разработанности темы исследования. Проблема повествовательного мотива остаётся одной из наиболее актуальных в современном литературоведении, и среди многообразных аспектов изучения шмелёвского творчества исследование мотива занимает особое место: данная категория оказалась значимой для неореалистической прозы первой половины XX века, где мотив стал одним из способов организации повествования. Спорная мысль, что плодотворным при анализе творчества И.С. Шмелёва будет «широкая» трактовка мотива, не ограниченная сюжетобразующим фактором, была высказана Г.В. Кутепиной². Отметим, что особое внимание обращено к религиозному стержню наследия писателя. Так, А.М. Любомудров считает, что мотивы, сопровождающие писателя в течение всего творчества, – это «не столько мыслительные концепты, сколько идеи сердечные, связанные с чувственно-

---

¹ Черников А.П. Проза И.С. Шмелева: Концепция мира и человека. Калуга, 1995. 344 с.; Сорокина О.Н. Московянина. Жизнь и творчество Ивана Шмелева. 2-е изд. М., 2000. 407 с.; Галанина О. Е., Захарова Т. В. Духовный реализм И.С. Шмелева: лейтмотив в структуре романа «Пути Небесные». Н. Новгород, 2004. 116 с.; Захарова В. Т. Поэтика прозы И.С. Шмелева. Н. Новгород, 2015. 106 с.; Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. 228 с.; Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. СПб., 2012. 448 с.; Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб., 2003. 272 с.; Макаров Д. В. Христианские понятия и их художественное воплощение в творчестве И. С. Шмелева: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Ульяновск, 2001. 22 с.; Руднева Е.Г. Заметки о поэтике И.С. Шмелёва. М., 2002. 129 с.; Солнцева Н. М. Иван Сергеевич Шмелев: Аспекты творчества. М., 2006. 256 с.; Спиридонова Л. А. Художественный мир И.С. Шмелева. М., 2014. 240 с.; Шешунова С. В. Национальный образ мира и межкультурная коммуникация в творчестве И.С. Шмелева. М., 2017. 200 с. и ряд других. Необходимо отметить работу Крымских международных «Шмелёвских чтений» и регулярно проводимые в ИМЛИ РАН международные конференции по творчеству И.С. Шмелёва.

² Кутепина Г. В. Мотив в контексте художественной целостности: «Богомолье» И.С. Шмелёва // Наследие И.С. Шмелёва: проблемы изучения и издания. М., 2007. С.265 - 271.

эмоциональной и, отчасти, с духовной сферой»³, и называет, например, мотивы возвращения, детства, «укрытости» от мирового зла, тяготения к монастырю и другие. Л.Е. Зайцева⁴ пишет о мотивах, восходящих к традициям житийного жанра. М.А. Голованевой⁵ отмечена символичность мотивов праведничества и старчества, выделены мотивы креста, иконы, воды, просфоры и другие. Мнение о том, что художественный мир И.С. Шмелёва позволяет выявить сквозные мотивы, создающие единый православный подтекст, выражает М.Ю. Трубицына⁶. Солидаризируясь с идеями И.А. Есаулова⁷, С.В. Шешунова утверждает, что для прозы писателя пасхальный мотив стал объединяющим началом, реализующим идеи Воскресения и гармоничной жизни. Н.В. Лау⁸ высказывает мысль, что в рамки мотива «духовное странничество» входят различные сферы воцерковленного бытия и духовного аскетизма. В.Т. Захарова видит в лейтмотивной системе дооктябрьского творчества И.С. Шмелёва способ структурирования подтекстово-ассоциативной образности и рассматривает мотив тишины как христианский и концептообразующий. Смысловую насыщенность религиозно-символических лейтмотивов в «Солнце мёртвых», роль мотивов дисгармонии, дьявольского соблазна и ряда других отмечает Н. В. Норина⁹.

Следует сказать, что вопрос о роли мотива пути в прозе И. С. Шмелёва неоднократно поднимался различными учёными (М.А. Голованева, Я.О. Дзыга, Л.Е. Зайцева, В.Т. Захарова, Г.В. Кутепина, Н.В. Норина и др.). Нередко этот мотив трактуется как способ осмысления революционной катастрофы и

---

³ Любомудров А. М. Интуитивное и рациональное в творческой личности И.С. Шмелёва // Вестник ВолГУ. Серия 8. Вып. 6. Волгоград, 2007. С.14.

⁴ Зайцева Л.Е. Религиозные мотивы в позднем творчестве И.С. Шмелева (1927-1947): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1999. 156 с.

⁵ Голованева М.А. Проблема автора в творчестве И.С. Шмелёва»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Волгоград, 2002. 19 с.

⁶ Трубицына М.Ю. Христианские мотивы в творчестве И.С. Шмелева («Росстани», «Богомолье») // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики). Екатеринбург, 2007. С. 311-330.

⁷ Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М., 2004. 506 с.

⁸ Лау Н.В. Мотив «духовного странничества» в прозе русской эмиграции: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2011. 20 с.

⁹ Норина Н. В. Поэтика трагического в прозе И.С. Шмелева 1920-1930-х годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Пермь, 2012. 213 с.

смыкается с мотивом «потерянной» России (С.В. Полторацкая)¹⁰, оценивается как метафора ложного пути и заблуждений (Г.И. Карпова)¹¹, выявляется его связь (О.В. Селянской)¹² с православными категориями креста и судьбы. К выводу, что путь – это генеральный лейтмотив («Пути Небесные»), представленный вариантами «порочный круг» и «круг земного бытия», приходит О.Е. Галанина¹³. Была доказана С.В. Шешуновой¹⁴ связь мифопоэтических символов (в «Няне из Москвы») с пространственными мотивами русской литературы и фольклора, системообразующая роль мотивов дороги и ада. Е.А. Черева считает, что у писателя «метасюжетность образуется за счет ориентации на архетипическую схему сотериологического мифа ... и мотивного комплекса «грехопадение» – «преображение»¹⁵, поэтому особое значение получает мотив пути, движение от греха к перерождению. О мотиве преобразования пишет и О.В. Быстрова¹⁶, рассматривая его как свидетельство движения к Первообразу.

Широкий круг воздействующих на писателя поэтико-философских исканий русской литературы XIX века обнаруживает Я.О. Дзыга¹⁷, а обращение или даже цитирование сюжетов, образов, мотивов классической русской литературы видит концептуально значимыми для И.С. Шмелёва. Е.Г. Руднева¹⁸ рассматривает мотив слёз в его позднем творчестве, связывая природу этого мотива с христианской духовной умиленностью и с установками сентиментализма. Кроме того, отметим интерес учёных к триаде очень значимых для писателя мотивов:

---

¹⁰ Полторацкая С. В. Мотив «потерянной» России в эмигрантском творчестве И.А. Бунина и И.С. Шмелева: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Белгород, 2006. 219 с.

¹¹ Карпова Г.И. Мотив дороги в художественном мире рассказа И.С. Шмелёва «Гунны»// Наследие И.С. Шмелёва: проблемы изучения и издания. М., 2007. С.288-293.

¹² Селянская О.В. Мотивы пути, креста, судьбы в православной концепции И.С. Шмелёва (на материале «Переписки двух Иванов» 1927-1950) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2002. Вып.4. С.75-77.

¹³ Галанина О. Е. Лейтмотив в структуре романа И. С. Шмелева «Пути небесные»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 01. Нижний Новгород, 2006. 15 с.

¹⁴ Шешунова С.В. Национальный образ мира в русской литературе: П.И. Мельников-Печерский, И.С. Шмелев, А.И. Солженицын: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Дубна, 2006. 368 с.

¹⁵ Черева Е.А. Мифопоэтика романной прозы И.С. Шмелева: дис. ... канд. филол. наук:10.01.01. Магнитогорск, 2006. С.20.

¹⁶ Быстрова О.В. Мотивы преобразования в творчестве И.С. Шмелёва // И.С. Шмелёв и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство). М., 2015. С. 86-96.

¹⁷ Дзыга Я. О. Творчество И.С. Шмелёва в контексте традиций русской литературы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. М., 2013. 43 с.

¹⁸ Руднева Е.Г. О мотиве слёз в позднем творчестве И.С. Шмелёва // Наследие И.С. Шмелёва: проблемы изучения и издания. М., 2007. С.28-37.

радости (Д.В. Макаров, Е.Г. Руднева)¹⁹, чуда (Л.В. Суматохина)²⁰, топосам Дома и Москвы (Е.А. Андриюкова, И.С. Беспалова, Д.В. Вилков)²¹.

Круг вопросов, связанных с исследованием категории «мотив» в творчестве И.С. Шмелёва, получил достаточно широкое освещение. Но в большинстве случаев, затрагивая проблему функционирования мотива в его наследии, авторы обращаются к исследованию мотивов в поэтике определённого произведения либо к анализу одного конкретного мотива. Кроме того, в современном литературоведении изучение проблемы повествовательного мотива в художественной прозе И.С. Шмелёва часто получает фрагментарный характер, не выявляется систематичность мотивов, а накопленный материал не обобщается.

Актуальность исследования определяется интересом современного литературоведения к изучению категории мотива и необходимостью целостного научного осмысления в функционально-семантическом аспекте системы повествовательных мотивов в качестве значимых элементов шмелёвского дискурса, что позволит конкретизировать ряд спорных вопросов авторской стратегии одного из самых значительных русских писателей первой половины XX века, углубить существующие научные представления о частностях и закономерностях развития прозы Русского зарубежья.

Предметом исследования выступает категория мотива, в рамках изучения которой акцент делается на динамике идиостиля и эволюции мировоззренческих позиций И.С. Шмелёва.

Объект изучения: повести и рассказы И.С. Шмелёва обоих периодов творчества («Распад», «Человек из ресторана», «Стена», «Богомолье», «Куликово

---

¹⁹ Макаров Д.В. Радостность как одна из основ мировосприятия героев И.С. Шмелёва // Вопросы филологии: Литературоведение. Языкознание. Ульяновск, 2002. С.36-43.; Руднева Е.Г. Перекрёстные ассоциации как стилиевой принцип И.С. Шмелёва // И.С. Шмелёв и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство). М., 2015. С. 282–288.

²⁰ Суматохина Л.В. Типология чудесного в произведениях И.С. Шмелёва // Наследие И.С. Шмелёва: проблемы изучения и издания. М., 2007. С.247-252.

²¹ Андриюкова Е.А. «Московский» текст в творчестве И. Шмелёва (период эмиграции): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Вологда, 2013. 143 с.; Беспалова И.С. Мотив дома в романе И.С. Шмелёва «Няня из Москвы» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. Волгоград, 2011. №7. С.133 -137.; Вилков Д.В. Москва как сакральный топос в эмигрантском творчестве И.С. Шмелёва и А.И. Куприна // Поэзия русской жизни в творчестве И.С. Шмелёва. М., 2011. С.370-377.

поле»), роман «Солнце мёртвых». Отбор произведений основан на следующих критериях: последовательно представлены произведения из дореволюционного и эмигрантского периодов, репрезентирующие различные грани творческого опыта писателя.

Цель исследования: всестороннее осмысление роли мотива в творческом дискурсе И. С. Шмелёва, выявление особенностей функционирования данной категории в русле системного и целостного изучения творчества писателя.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач:**

- 1) необходимо сформулировать понятийный аппарат, рассмотрев различные теоретические аспекты и историю изучения категории мотива в отечественном литературоведении;
- 2) уточнить ключевые положения неореалистической поэтики, определить место и востребованность категории мотива в практике неореализма;
- 3) определить роль мотивов «преображение – возвращение», «дом», «путь» в философско-поэтической системе творчества И.С. Шмелёва;
- 4) выявить и проанализировать функциональную задачу и семантику наиболее репрезентативных мотивов в повестях 1900 – 1910-х гг. («Распад», «Человек из ресторана», «Стена»);
- 5) исследовать семантику мотивов в произведениях эмигрантского периода («Солнце мёртвых», «Богомолье», «Куликово поле») в аспекте авторской концепции национального характера и исторической судьбы России.

Методология исследования основана на комплексном подходе, с использованием сравнительно - исторического, герменевтического, структурно - семантического методов в сочетании с элементами мифопоэтического и интертекстуального подходов.

Концептуально-методологическую основу составляют труды отечественных учёных: М.М. Бахтина, А.Н. Веселовского, В.Е. Ветловской, Б.М. Гаспарова, И.А. Есаулова, В.Т. Захаровой, В.Е. Келдыша, Ю.М. Лотмана, А.М. Любомудрова, Е.М. Мелетинского, И.Г. Минераловой, Е.А. Осьминой, Б.Н. Путилова, Е.Г.

Рудневой, Е.А. Селютиной, И. В. Силантьева, Н. М. Солнцевой, Н. Д. Тамарченко, В. Н. Топорова, В. И. Тюпы, О. М. Фрейденберг, А. П. Черникова, Ю.В. Шатина.

Положения, выносимые на защиту:

1) Категория мотива оказалась особенно значимой для прозы Шмелёва, став одним из способов организации повествования, так как нечёткость жанровых границ, воздействие символизма и импрессионизма усилили роль мотива как синхронизирующей единицы текста. В рассмотренных произведениях создаётся система мотивов, обладающая структурной и концептуальной значимостью. С помощью мотивов разворачиваются образные поля текста, возникают интегральные образы, создаётся метасюжет, что позволяет, в итоге, судить об особенностях идиостиля, о философско - эстетической позиции писателя. Мотивы обеспечивают смысловые акценты, связывают различные уровни текста, но главное – актуализируют смыслы.

2) Большую роль у Шмелёва получили семантические сдвиги в традиционных мотивах, так как актуализация вопросов рефлексии сознания человека эпохи порубежья требовала пересмотра смыслов и приёмов. Возникает более сложное взаимодействие традиционных мотивных схем и авторского сознания, когда выбор и трансформация мотивов становятся важнейшим средством архитектоники и способом выражением идеологии текста.

3) Мотивы преобразования – возвращения, дома и пути получают принципиальное значение, доминируют на протяжении всего творчества И.С. Шмелёва. Алломотивы репрезентируют ключевые мотивы, но возникает сложное сочетание смыслов, частичная семантическая трансформация, однако в большинстве случаев близость с инвариантом сохраняется.

4) В наследии писателя большинство мотивов формируют пары, что позволяет усложнить смысловое поле системы мотивов за счёт включения в её парадигму смысловой антиномии или антитезы: преобразование – духовная смерть, возвращение – лже-возвращение, дом-сад – бездомье, сад прекрасный – сад погибающий, Отец – блудный сын, путь – бессмысленное движение (круг) или

статика, слово-дух – слово-плоть, грех – праведничество, смерть – сон, пир – страшный пир, песня – молитва, свет (белый) – тьма (чёрный, хаос).

5) В качестве основы систем мотивов выступают архетипические, мифологические или христианские сюжеты и универсалии, на основании которых выявляются мотивы, вступающие в различные сочетания друг с другом и формирующие системы мотивов: блудный сын (обособление, уход, искушения – испытания, возвращение), заповеди Декалога, Золотой телец, грех, Апокалипсис и Страшный суд, разрушение Содома и Гоморры, строительство Вавилонской башни, страдания и испытания, отец и сын, ученичество, пророчество – чудо – знамение, крест – путь – встреча, дом – окно (порог) – сад, смерть – ложь – пир, театр – маска, холод, солнце – море – камень (гора), лес, зверь.

б) В пространственно-темпоральной системе доминантное значение получают мотивы пути и дома. Пространственная горизонталь связана с бытовым, а вертикаль – с бытийственным началом. Традиционные мотивы пространственной парадигмы (окно, дверь, уединённое место, Москва, природный мир (лес, поле, море, река), а также мотивы (гора, небо, яма, овраг, пропасть), несущие семантику верха – низа, получают значимое место в раскрытии оппозиции «подвижный – неподвижный», характеризующей духовное состояние героев. Темпоральные мотивы выражают время как точку испытания и преодоления, следствием чего становится потеря временных ориентиров для современника, воспоминания, совмещение прошлого и настоящего. Если же время фиксируется в православной системе координат, то выявляется духовное здоровье или кризисное состояние мира и человека. Мир героя, замкнутый в быту, в самом себе, получает время «по часам», конкретизированное, а духовная динамика усложняет восприятие времени, связывая с православным отсчётом событий.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается целостным и мотивированным охватом творческого наследия И.С. Шмелёва, широтой использованных теоретических и историко-литературных материалов.

Научная новизна состоит в монографической разработке вопросов,

связанных с выявлением особенностей системы повествовательных мотивов в прозе И.С. Шмелёва, что даёт возможность формировать целостное представление о динамике художественного мира писателя, рассматривать его художественное наследие, как единый смыслогенный комплекс.

В работе в двух аспектах осуществлен комплексный анализ специфики функционирования системы мотивов в произведениях разных жанров и дореволюционного этапа, и периода жизни писателя в эмиграции: 1) мотив впервые рассмотрен как один из важнейших элементов поэтики И.С. Шмелёва, что даёт возможность глубже понять принципы всей поэтической системы писателя, внутреннюю логику всего творчества; 2) мотив впервые анализируется в аспекте авторской концепции исторической судьбы страны и особенностей национального менталитета, что позволяет яснее видеть авторские интенции философско-этического характера.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при исследовании вопросов, связанных с закономерностями развития русской прозы первой половины XX века, в том числе, при осмыслении принципа синтетизма, особенностей повествовательной структуры и специфики воздействия православной традиции.

Практическая значимость работы заключается в возможности её использования в научно-исследовательской, вузовской и школьной практике: в ходе изысканий по неореалистической прозе и творчеству И.С. Шмелёва, в частности, в подготовке вузовских курсов истории русской литературы XX века, в разработке спецкурсов по творчеству И.С. Шмелёва и по теории литературы.

Апробация работы проходила в ходе обсуждений на аспирантских семинарах и на заседаниях кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета. Основные положения исследования были представлены в форме докладов на международных, всероссийских и межвузовских конференциях по литературоведческой проблематике: в Сургуте (2012, 2013, 2016), Орске (2012),

Екатеринбурге (2012, 2013, 2014), Томске (2014), Москве (2015). Материалы диссертации использовались автором при чтении курса «Введение в литературоведение», а также в рамках спецкурсов «Анализ эпического текста», «Русское зарубежье».

Основные результаты исследования представлены в 12 публикациях, 4 из которых осуществлены в ведущих рецензируемых научных журналах, определённых ВАК РФ. Объём опубликованных материалов составляет 4,6 п. л.

Структура работы: Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, включающей 248 наименований. Общий объём диссертации составляет 224 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность, указываются объект и предмет, методологическая база, цель и задачи, научная новизна, степень разработанности темы и достоверность результатов, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрыты теоретическая, практическая значимость и структура работы.

Первая глава «Теоретические предпосылки изучения мотива в творчестве И.С. Шмелёва», содержащая три параграфа, посвящена теоретической характеристике мотива и уточнению следующих вопросов: история исследования мотива в отечественном литературоведении и нарратологии, функционирование мотива в поэтике неореалистической русской прозы первой половины XX века, дефиниция ключевых мотивов, выделенных в творчестве И.С. Шмелёва.

В **параграфе 1.1. «Теория мотива в отечественном литературоведении»**, во-первых, обобщён опыт отечественного литературоведения в теоретическом освоении мотива как в целом, так и в рамках нарратологической теории, подробно рассмотрены и сопоставлены возможности интертекстуального и прагматического подходов в раскрытии свойств мотива; во-вторых, дано определение понятий «мотив» и «система мотивов». Мотивом мы называем относительно устойчивый, дуальный, повторяющийся и формально-

содержательный компонент текста, который, как правило, опирается на ключевое слово, способен скреплять части текста, то есть выполнять структурно-моделирующую функцию; он обладает высокой семантической наполненностью, связан с культурной традицией и с контекстом; соотносит сюжетно-фабульную, предикативную сторону с героем; взаимодействует с пространственно-временными единицами. Важно также учитывать, что в произведениях писателя возникала система мотивов, под которой мы понимаем упорядоченную связь отдельных мотивов в процессе их сюжетообразующего и смыслопорождающего взаимодействия в структуре художественного текста.

В параграфе 1.2. «Категория «мотив» в творчестве И. С. Шмелёва в контексте поэтико-эстетических принципов неореализма начала XX века» на основе изученных литературоведческих источников представлены основные положения неореализма. Среди его ключевых тенденций подробно был рассмотрен универсальный принцип синтезирования. Для прозы И.С. Шмелёва диалог между традицией и стилевыми исканиями современности был актуален на всём творческом пути. Этим можно объяснить характерное для писателя изменение или прочтение в инверсионном ключе традиционной сюжетно-мифологической парадигмы, лиричность, введение импрессионистических элементов. В связи с последним у И.С. Шмелёва оказались востребованными не только повествовательные характеристики мотива, но и его возможности в передаче «невыразимого», символизм, потенция совмещать описательное и психологическое. Таким образом, ведущая роль в поэтике И.С. Шмелёва лейтмотивности и мотива как моделирующей, структурообразующей единицы связаны с принципом синтетичности, ассоциативностью и мифопоэтичностью, с принципом повторяемости и усложнением художественной формы.

В параграфе 1.3. «Дальние контексты творчества И. С. Шмелёва: «преображение», «путь», «дом» отмечено, что для И.С. Шмелёва в картине русской жизни опорными являлись три точки: преобразование – путь – дом. Эти доминантные векторы в системе шмелёвских мотивов получают сюжетно-

образное развёртывание и хронотопическую реализацию во всех произведениях, рассмотренных в работе. При описании конкретного мотива необходимо учитывать и архетипические значения мотивом, и литературно-философский контекст времени. Преображение было одной из важнейших идей времени: его рассматривали на рубеже эпох с позиций и социального переустройства, и религиозно-эстетических поисков. Для И.С. Шмелёв идеи преобразования корнями связаны с православной моделью мировосприятия, поэтому ярчайший пример развития мотивемы преобразования восходит у писателя к реализации в точном или инверсионном варианте основных элементов схемы сюжета о блудном сыне. Каждая фаза данного сюжета в прозе И.С. Шмелёва включает в себя доминирующие и второстепенные мотивы, и все они выражают мысль о необходимости возвращения к Богу, об устремлённости к гармонизации бытия. Но движение к преображению требовало исходного «домашнего» фундамента, концентрирующего земное и духовное. У И.С. Шмелёва идеальный дом основан на многоаспектном пушкинском «самостоянье человека», и в продолжение всего творчества именно через пространство дома (миражного, патриархального, разрушаемого, из ситуации бездомья, соборного) герой И.С. Шмелёва выходит в мир и взаимодействует с ним. Мотивема путь приобретает особую актуальность именно при изображении судьбоносных периодов жизни отдельной личности или целого государства. Поэтому в прозе И.С. Шмелёва духовный путь личности и исторический путь России становятся важнейшими темами всего творчества, а острая проблема выбора аксиологических установок на этом пути актуализирует вопрос о постоянной устремлённости к преображению.

Во второй главе «Формирование системы мотивов в художественной прозе И.С. Шмелёва 1900 – 1910 гг.» исследуются функциональные задачи и семантика систем мотивов в дореволюционной прозе писателя.

Параграф 2.1. «Система мотивов в повести «Распад» раскрывает сложный синтез в творчестве раннего И.С. Шмелёва возможных путей преобразования современника с изображением подмены, разрушения

традиционных ценностей, в связи с чем концептуальную идеологическую значимость получает в повести мотив преображения как альтернатива усиливающемуся кризису. Мотив преображения проходит через всю ткань повествования в «Распаде» (1906), получает структурообразующую функцию и создаёт сложный синтез, а именно: архетипическая сюжетная схема, ядром которой является событийная схема, восходящая к процессу инициации, взаимодействует с комплексом мотивов, формирующих евангельскую историю блудного сына, в основе которой путь духовного преображения. В повести, появившейся в момент большого социального подъёма, произошло смещение двух понятий – превращения и преображения – и И.С. Шмелёв, подобно многим современникам, пытается интегрировать социальные метаморфозы и идею духовного преобразования. Именно поэтому мотив преображения в повести дуалистичен и включает в себя, в отличие от мифологической традиции, не столько семантику приобретения духовно ценностных качеств, сколько символику разрушения, смерти, забвения. При этом данный мотив обладает наиболее выраженной предикативностью и включает в свою парадигму ряд мотивов: комплекс, составляющий схему блудного сына, мотивы укрощения, страха, окна, уединения, сада, слова.

Мотивная система повести образует три вектора, с которыми доминанты преображения и дома вступают в семантически продуктивные сочетания.

1) Мотив страха отражает психологическое состояние всех обитателей дома Хмуровых. Характерно, что страх не связан в повести с житейскими реалиями, а передаёт растерянность современника перед онтологическими вопросами. В повести наблюдается слияние мотивов страха и слова, благодаря чему социальные картины получают психологические обоснования.

2) Сюжетный архетипический мотив, восходящий к истории блудного сына, определяет повествовательное движение и высокую конфликтность. Он отражает духовные блуждания и идеологические столкновения отцов и детей, что манифестирует ситуацию дисбаланса в русском обществе периода первых

русских революций и поиски по гармонизации отношений человека и власти, человека и семьи, возможных путей возвращения современника в Дом Отца моего. Однако преображение, в котором реализовано стремление к духовному подъёму, не возникает в связи с образами Захара Хмурова и его сына, так как они по своей природе ему противостоят. Для них преобразовать – это переделать, сломать мир в соответствии со своими представлениями, укротить мир и человеческий (унижение рабочих), и природный (укрощение лошадей), и само мироустройство (Алексей рассматривает преобразование жизни, как химический процесс, готов напрямую взорвать существующий мир, выстраивая «книжные» идеалы). Неспособность преобразиться в христианском смысле особенно характерна для отца, в образе которого мотивы обособления и слова (в значении полной потери коммуникации) в сочетании с фольклорно-мифологическими элементами (огонь, нечистая сила) акцентируют безудержность, неуправляемость страстей в характере.

Основные фазы сюжета о блудном сыне с сопутствующей системой мотивов наиболее очевидны в повествовании о судьбах Алексея и Николая. Алексей не преодолел искушения идеей «я вместо Бога», поэтому не способен преобразовать, но разрушает и погибает сам. В финале повести контаминация дома Хмуровых с пространством кладбища становится приговором этому пути вседозволенности и разрушения. Николай Хмуров не ломает ни людей, ни памяти о родном доме, поэтому способен вернуться и помнить, а его коренное расхождение с принципами Захара и Алексея реализовано в мотиве слова, манифестирующем антагонизм их жизненных установок.

3) Мотивы, традиционно соотносимые с мотивфемой «дом»: окно, уединённое место, сад. Использование именно этого комплекса мотивов для реализации картины хмуровского дома соответствует традиционному подходу, однако в «Распаде» мы наблюдаем усложнение семантики данных мотивов. Так, окно несёт семантику обособления, отделения Хмуровых от жизни за пределами дома, невозможности перехода героев в естественное пространство или воздействия

мира природного на их жизнь. Сад не является ретроспекцией красоты и семейной гармонии, напротив, именно пространство сада демонстрирует распад связей между поколениями. Мотив уединённого места, совмещающийся с окном и садом, имплицитно и семантику разрыва в сознании молодого поколения, и право молодых на поиски, но, в целом, данные мотивы несут смысловую доминанту одиночества, обречённости на утраты в любви и дружбе.

В самом начале творческого пути И.С. Шмелёв видит преображающие силы только в человеке и исходящими от человека, акцентируя внимание на процессе распада прежних связей и в государстве, и между людьми. Однако позиция блудного, но гордящегося родным домом Николая, обозначает возникшую уже в раннем творчестве писателя философско-религиозную оппозицию идеям разрушения традиционных основ русской жизни.

В параграфе 2.2. «Сюжетный мотив «блудный сын» в мотивной системе повести «Человек из ресторана» рассмотрен процесс преображения современника в нескольких взаимодействующих мотивных комплексах.

1) В «Человеке из ресторана» (1910) в связи с тем, что акцент сделан на лирические принципы повествования, функция мотивного комплекса «блудный сын» значительно расширилась: теперь он выполняет роль общеизвестной нарративной модели, что позволяет структурировать сюжет, акцентируя взгляд читателя на узнаваемых, укоренившихся в сознании ситуациях и типах. Выявленные в повести элементы этой евангельской истории позволяют говорить о реализации в точном или инверсионном варианте всех основных составляющих данного сюжета, включающих в себя доминирующие и второстепенные мотивы (обособления, искушения и испытания, преодоления, возвращения – преображения), а также мотивы Золотого тельца, холода, театра и маски, слова, дома. Семантическая нагрузка мотива «блудный сын» формируется в повести не за счёт прямого соотнесения с общемировым сюжетом, а за счёт варьирования и отталкивания от традиционной семантики, и писатель, оставаясь в рамках архетипической сюжетной ситуации, наполняет её своим содержанием,

специфика которого – частичная инверсии библейского мотива, при чём как в линии детей, так и в связи с появлением в повести блудного отца. Более точное следование библейскому сюжету (история Наташи) связано с меньшей духовной работой, но внутреннее переустройство личности героини тем не менее началось. Николай – блудный сын новой эпохи, возвращение которого в высоком смысле связано с попытками разрешения «проклятых» вопросов и внежитейскими устремлениями. Традиционное столкновение патриархального миропорядка с бунтарством молодых осложнено и тем, что гармоничного земного отца в повести нет, однако возвращение как движение к православному мировосприятию для Скороходова-старшего состоялось. Но сын, который на фабульном уровне к отцу не вернулся, получает и не использует шанс на духовное возвращение, реализовывая профетическую мысль о наступающей эпохе заблудившихся.

В «Человеке из ресторана» мотив «блудный сын» манифестирует идею возвращения, необходимости духовного возрождения. Сложность этого пути в том, что гармоничного дома как важнейшей исходной точки, к которой, духовно возрастая, нужно вернуться, в повести нет. Введя несколько локусов, выполняющих функцию дома (дом-раковина и лже-очаг, дом-мечта, дом-ресторан, пустое место), И.С. Шмелёв усложняет сознание своих героев: теперь дом не способен защитить, поэтому в его пространстве важную роль получают окно, дверь, порог – точки проникновения враждебного мира в судьбу «маленького человека». Контаминация мотива испытания блудных сынов с библейской историей о Золотом тельце актуализирует не только семантику власти денег, внезапного обогащения, но и отступничества, поклонения чуждой идее как главного испытания для современника.

2) В повести реализуется сложное сочетание мотивов пира, слова и театра – маски. Мотив пира несёт конструктивную функцию, влияет на единство сюжетного движения. С его помощью демонстрируется нарушение всех заповедей Декалога современником, участвующим в «страшном пире» как дома, так и в ресторане, а следовательно – неизбежно его физическое или нравственное

разрушение (Кривой, жених-прохвост, посетители ресторана, Черепахин). Мотив слова расширяет свою семантику за счёт совмещения несовместимых понятий: на смену слову-духу приходит слово-плоть, акцентирующее чувственные ассоциации, отсюда и его пересечение с символикой «страшного пира». Входя в смысловое поле мотива пира, мотив слова приобретает предикативность благодаря тому, что сам процесс общения воздействует на события, когда сказанное или не сказанное героями и повествователем становятся фактором повествовательного движения. Однако задача говорения в контексте повести усложняется: люди, даже разговаривая, всё равно не общаются, не готовы слышать, а само слово ущербно из-за смысловых параллелей с лицемерием, косноязычием, страхом, что в свою очередь порождает взаимодействие с мотивом маски. Семантика мотива слова включает в себя значения словесного миража, лжи и обречённости этого ресторанного Нового Вавилона с его бессмысленным говорением и неспособностью к коммуникации. Однако антитезой выступает внутри этого мотива смысловое поле алломотива «золотое слово», то есть слова, утверждающего ключевую роль евангельских идей милосердной любви и прощения. Отличительная черта мотива маски в повести – это направленность на изображение человека, находящегося в неестественной ситуации, в нездоровом обществе, подчиняющемся законам маскарада, где существует не личность, а маска. Амбивалентность сопутствует этому мотиву, так как ложь сталкивается с истиной и всегда есть другая, обратная сторона самой маски. Маска в повести может быть страшной или создавать комический эффект, но аксиологическим ядром остаётся понятие «ложь». Основная семантика мотива – чувство несвободы, одиночество, страх и недовольство существующей социальной ролью.

3) Дисгармоничность существования героев подчёркнута тем, что холод является единственным природным лейтмотивом. Мир природный стихийен, отторгает заблудившегося, а введение этого мотива, продолжающего пушкинскую традицию изображения мира, утратившего гармонию, констатирует кризисное состояние и противостояние в обществе и возникает в те моменты повествования,

когда герои должны сделать выбор или пройти испытание.

Преображение и возможности духовного роста – важнейший вопрос типологической характеристики «маленького человека», ищущего пути возвращения или погибающего на этом пути. Использование в качестве стержневого в «Человеке из ресторана» мотива блудного сына расширяет взгляд на проблему «маленький человек» в неореалистической литературе, акцентируя внимание на вечных нравственных противоречиях, а его удивительная притчевая глубина позволяет поднять целый ряд универсальных вопросов, таких как: дети и родители, грех и покаяние, дом и утрата дома и веры, стремление к новым берегам и мечта о возвращении. И.С. Шмелёв приходит к выводу: не в сиюминутных политических клише, а в правде, восходящей к христианской антропологии, возможно найти решение для заблудившейся души современника.

В параграфе 3.2. «Система мотивов в повести «Стена» в свете импрессионистического влияния на поэтику И.С. Шмелёва» предпринята попытка рассмотреть, как востребованы не только сюжетные свойства мотива, но и его возможности для передачи «невыразимого», его символизм, потенция совмещать описательное и психологическое. В «Стене» (1913) весьма ощутимо, несмотря на некую «маскировку» проблематикой классовых противоречий, влияние импрессионистического видения, со свойственной ему ролью мотива как фактора скрепляющего текст, в котором сильно подтекстовое ассоциативное начало. Принципиальное значение получает устремлённость не к описательности, а к живописи впечатления, к цветопластике множества деталей природного и вещного мира. И.С. Шмелёв отказывается от динамики событий, но обыденность усложнена нюансами, от чувственного происходит движение к бытийственному. Мотив в «Стене» рождён этим синтетизмом, так как позволял преодолеть ослабление сюжетности, контаминировать эксплицитный уровень повествования, реализующий конфликт «богатый – бедный», с изображением онтологических понятий, таких как: столкновение старого и нового, смерть и круговорот всё побеждающей живой жизни, любовь и ненависть.

Система мотивов строится на пересечении двух мотивных векторов.

1) Происходит взаимодействие структурообразующих мотивов дома и смерти с мотивами, восходящими к ветхозаветным сюжетам о гордыне и греховности (строительство Вавилонской башни, гибель Содома и Гоморры). У И.С. Шмелёва преступная духовная неподвижность лежит в основе символики стены, поэтому мотив греха становится связующим звеном для всей системы персонажей: все виновны – все будут наказаны. Смерть сопутствует большинству сюжетных ходов в повести, что репрезентирует принципиальный разрыв между красотой всё побеждающей живой жизни и существованием человека. Писатель усиливает импрессионистическое изображение смерти в «Стене» с помощью возникающих у героев особенных ощущений и цветописы (лейтмотивный запах смерти и роль красного цвета в создании телесного кровавого символизма). Мотивы греха и смерти постоянно взаимодействуют сюжетными ходами, параллелями в характеристиках отдельных персонажей, заставляя вспомнить знаменитые ветхозаветные истории, формируя общую семантику нарастающей вины и ответственности человека перед Космосом.

2) Действуют суггестивные пары мотивов, создающие эмоциональный ритм: голос звучащего мира – глухота человека, зверь – человек, живой сад – погибающие дом и сад. И.С. Шмелёв эксплицирует падение высокого смысла мотивемы «дом», когда прослеживает деградацию усадьбы Тавруевых: от внешне процветающего родового гнезда – к проклятому месту, где умирают дети, к безликому камню, который утрачивает значение константы, к вырождению хозяев-наследников. Ключевую роль в реализации дома получают мотивы сада и окна – двери, чья семантика границы и защищённого пространства утрачены. В «Стене» сад как окультуренное пространство исчерпан, так как потерял себя в следовании за ложными целями человек-созидатель. Результат – прекращение традиционного смыслового взаимодействия сада с топосом дома и возникающая семантическая двуплановость сада (сад искусственный – сад прекрасный, но без Человека), свидетельствующие о трагическом противоречии, так как сад

утрачивает доминанту красоты и созидания, став пространством смерти и распада человеческих связей. «Удваивание», характерное для орнаментальной поэтики, ярко реализуется в мотивах сада и голоса – песни, демонстрирующих красоту природного, но и дисгармоничность человеческого, выражением чего стали лейтмотивы волчьей злобы и сада-оранжереи, реализующие мысль о нежизнеспособности утопических мечтаний и греховности современника.

В третьей главе «Мотивные доминанты в творчестве И.С. Шмелёва периода эмиграции» исследуется система мотивов поздней прозы писателя, что позволяет выявить идеологическое единство с дореволюционным периодом, проследить за возникновением или усложнением роли новых мотивов.

Параграф 3.1. «Функционирование мотивов в художественном пространстве романа И.С. Шмелёва «Солнце мёртвых» (1923) представляет анализ книги, в которой автор фиксирует гибель старой русской цивилизации и всеобъемлющее этическое противостояние. И.С. Шмелёв не согласен с упрощённой моделью мира и использует сложный синтез мифологических и христианских элементов. Повествовательное движение в эпосе построено на взаимодействии нескольких линий: греховность, путь страданий и преображение. Эсхатологическая идея реализуется в мотивах испытания – страдания, пророчества и страданий безвинных, лжи, слова. Эти мотивы выступают опорной характеристикой наступившей эпохи Зверя, ложному слову и чуду которого поверил народ, что позволяет писателю, двигаясь в образно-символическом русле Откровения Иоанна, отобразить динамику исторического процесса в онтологическом преломлении, показать вечную борьбу божественного и дьявольского за душу человека. Сохраняя связь с апокалипсической образностью, данные мотивы используются в одной плоскости: доказывают вселенский размах событий, масштаб исторического разлома, произошедшего в России.

Доминанта «жизнь – смерть» включает в себя ряд мотивов: дом и сад, пустыня-пустота, встреча на дороге. Значительная часть сюжетного движения происходит в пространстве дома и сада, но дом утратил свои традиционные

качества: вместо функций защиты и созидającego труда – распад и смерть. Окно входит в смысловую парадигму дома, максимально приближаясь по своей семантике к глазам, что одушевляет разрушенные дома. Защитная функция дома сопоставляется с природным пространством, то есть в романе дом и сад – это не только часть возделанного пространства, но и природного. Последнее получает функцию нового дома, позволяющего отделиться от окружающей абсурдной реальности. Однако для героев-праведников их дома и сады миндальные остаются линией земного единения, памятью об утраченном рае. В ключевых сценах сталкиваются даль (море, небо, горизонт, высота) с камерным миром, с ограничением пространства (балка, комната, тюрьма, пустырь, яма, дно моря), но итог – разрастание пустоты. Обычно пустота-пустыня – это пространство чуждое жизни, но в романе иначе: пустыня – это прекрасный Крым, где всё разрушено и разворовано, поэтому мотив встречи акцентирует предельный антагонизм человека с окружающим миром.

В романе формируется система опорных аксиологических знаков, связанных с семантикой природных актантов (солнце, камень, ветер, море), что преобразует бытовой план повествования в символический. Константы утрачены, ведь даже единицы вечности подвергаются раздвоению. Солнце и камень, ветер и море эксплицируют идеологическую оппозицию родного, православного с пустотой и дикостью, что выражает не только ситуацию противостояния, но и идеологическую антиномию, а именно в таком контексте писатель видел события революции и Гражданской войны. Так, солнце в романе динамично, всегда сопровождает основных персонажей во всех событиях, однако его доминанта расколота: оно и спутник угасания жизни, и надежда на Воскресение. Камень также амбивалентен: несёт значение веры, основы мира, но и действительности, поэтому камень получает значение неустойчивости, душевного окаменения. Камень характеризует высокая степень многозначности: актуальнее всего значение камня-тмы, границы жизни и смерти и значение камня вечного, чья память даёт надежду, поэтому горы сохраняют направленность не только

падения, но и восхождения. В романе не только мир человеческий, но и природный получает дополнительные коннотации: семантика красоты, силы, вечного движения взаимодействует с ущербностью и смертью. Трагическое мировосприятие диктовало уход от упрощений, от защиты одних идеологических решений в ущерб другим, поэтому можно утверждать, что И.С. Шмелёв, очевидец и летописец, создает книгу не о прошлом, а о будущем, с верой в возрождение.

В параграфе 3.2. «Концепция народного характера и функционирование мотивов в повести «Богомолье» (1931) было отмечено: доминантный мотив пути получает сюжетно-композиционную функцию, благодаря чему истории греха и истории покаяния, падения и возрождения соотносятся, формируя главный конфликт – мировоззренческий, духовный, в центре которого русский человек. Несмотря на наличие нескольких смысловых векторов, в мотиве пути преобладает семантика испытания и преображения, что соответствует народно-православному пониманию, так как конечная цель пути богомольцев – возрождение духовное. Семантическая парадигма мотива пути, который скрепляет собой систему мотивов, заключена в трёх взаимосвязанных позициях, каждая из которых репрезентирует ряд мотивов, имманентных архетипической идее пути. 1) Традиционные мотивы хронотопического вектора (дом, город, сад, окно, берег – река, утро – вечер, верх – низ). 2) Мотивы, восходящие к библейской образности и онтологической проблематике (плода, греха и таланта, ученичества, отца и сына, пищи земной и духовной и утоления жажды, ученичества, песни – молитвы), реализованные в отношениях предикат-актант, то есть в соотношении мотива пути с его актантами-богомольцами или с их противниками – неподвижными душами. 3) Символическая составляющая пути представлена особенной колористикой, в которой важную роль играют традиционные для православия иконические решения, но основой, раскрывающей свойство народного характера, остаётся оппозиция двух цветов: белого (свет) и чёрного (тьма). Так проявляется концептуально богатая оппозиция, позволяющая говорить не только об антонимичности, но и антиномии, рассматриваемой через

призму семантики свободы – несвободы человека. Мотив греха поддерживает высокую конфликтность, отражая трагическое свойство народного характера: тягу к крайностям, совмещение таланта и слабости (Мартын, дьякон, певчие).

В пути героев-богомольцев есть все три типа пространственных образов (дом – простор – порог). Путь получает многомерное смысловое наполнение благодаря тому, что это путь и по земной горизонтали, и по духовной вертикали. Первый тип движения происходит как перемещение от одного дома к другому. Второй – это путь к Преподобному Сергию, то есть высшая точка и сюжетных, и духовных устремлений, нравственная вертикаль, призванная защищать и сдерживать, так как в её основе – закон божественной Троицы, на нравственную силу которой опирается народ. Но создаётся эта линия в движении от земного – к небесному, то есть она неразрывно связана с почвенной горизонталью, где эта же ось: от отца к сыну, от поколения к поколению. Преемственность как ментальная память – основа национального, поэтому так важны в повести мотив ученичества, архетипические пары старец – ребёнок, отец – сын.

В «Богомолье» в смысловом поле дома доминирующую роль получают мотивы сада и окна, пира и жажды. Сад демонстрирует признаки защищённого и традиционного пространства, где всё идёт своим чередом, но есть и садик-трактир Брехунова, где люди теряют себя, что сближает его с пространством сада грехопадения. Окно (берег), являясь частью порогового топоса, играет роль точки нравственного выбора и ожидания, сближения прошлого и будущего, знаком происходящей в героях духовной работы (сцены чаепития Вани и отца, сцены в гостинице, у Яузы). Мотив плода символизирует преемственность, молодость, познание и грехопадение, поэтому часто этот мотив сопровождает юных героев. Мотив пира совмещает бытовое и бытийственное, синтезируя образ патриархального мира и вечную жажду духовную. Построение сюжета по принципу «от пробуждения до сна» напоминает человеческую жизнь от рождения до смерти, а мотив сна и песни – молитвы формирует особый кольцевой ритм.

Концепция народного характера в «Богомолье» включила в себя всю систему взглядов писателя на те процессы и явления, которые формируют особенный национальный путь народа. Это основная мысль И.С. Шмелева не об этнографических, а о духовно-нравственных основах народной жизни, которые он видел исключительно в православном мировосприятии, в идее постоянного движения к Богу, к покаянию, в стремлении к соборности и сохранению в народном сознании вертикали от земного к божественному, что позволит нации выбирать ясный исторический путь.

В параграфе 3.3. «Феномен преображения в мотивной системе рассказа «Куликово поле» (1939 – 1947) рассмотрены основные темы и их взаимодействие с мотивной системой: роль интеллигенции, синтез личного и исторического преобразования, православное мировосприятие, вера, память и преемственность как основа государственности. К вопросу о тех немногих, кто может и должен утвердить правду преображения, писатель в эмиграции обращался неоднократно. Основываясь на книге пророка Исайи, И.С. Шмелёв вводит мотив Остатка, раскрывающий магистральную для его позднего творчества задачу: обозначить пути и основания движения к восстановлению России, идею великой роли «напоминающих», то есть оставшихся верными православным идеалам. Именно с их помощью итогом духовных поисков станут политические изменения на Родине, но этот путь исторического преображения диктует безусловность духовного преобразования и укрепления. Вследствие чего в поэтической системе рассказа мотив преобразования синтезирует доминантный мотив испытания – преодоления с комплексом входящих в его смысловое поле мотивов страха, знамени, света и структурообразующими мотивами пути – встречи и креста. Итогом испытаний явилось чудесное обретение креста ищущими душами, и это знак возможного пути для всех. Преображение героев в рассказе – ключ к разрешению крайне важных для писателя идей покаяния и искупления для интеллигенции, для тех, кого он называл «ведущей частью народа», и отражает его убежденность в неизбежном просветлении и возрождении Родины.

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования. В частности, указано, что мотив в произведениях И.С. Шмелёва получает ведущую роль в организации художественной целостности, в «скреплении» сложного символично-ассоциативного ряда и выражении авторской ценностно-смысловой установки. Исследование различных функциональных задач мотива (тематической, суггестивной, моделирующей) позволяет увидеть, что у И.С. Шмелёва мотив – элемент различных уровней текста и единица, прежде всего, содержательная и концептуально значимая. Когда жанровые границы изменены, усложняются система повествования и хронологический план, активно используется принцип видения бытия через быт, при этом усиливается влияние импрессионистической практики, роль мотива как синхронизирующей единицы текста значительно возрастает, приобретая не только важную структурную роль, но и влияя на внутритекстовые семантические связи и организацию читательского восприятия.

В творчестве И.С. Шмелёва, во-первых, используется архетипическая направленность, связанная с библейской сюжетикой, универсалии и литературные мотивы, получившие характер «вечных». Была выявлена высокая роль мотивов «дом», «преображение», «путь». Именно они составляют ядро систем мотивов в рассмотренных нами произведениях. Имманентным качеством шмелёвской прозы следует признать наличие таких алломотивов и формирование таких систем мотивов, содержание которых движется как бы по синусоиде, то сближаясь с традиционной семантикой, то отдаляясь от неё.

Для И.С. Шмелёва важнейшими в течение всего творчества оставались вопросы духовной эволюции, специфики национального характера, возвращения православной России. Нам представляется, что проблема мотива заслуживает пристального внимания и может быть экстраполирована на исследование особенностей реализации неореалистической эстетики в русской литературе XX века, на изучение специфики национального характера и исторического выбора России в произведениях В.Г. Распутин, В. М. Шукшин, В.П. Астафьев и ряда других. Перспективой дальнейшей работы нам видится возможность провести

исследование мотивной системы романной прозы И.С. Шмелёва, его драматургического и эпистолярного наследия.

Основные положения диссертационного исследования изложены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Параскева Е.В. Функционирование мотивов в художественном пространстве романа И.С. Шмелёва «Солнце Мёртвых» // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 3 (18). – С. 170 – 175
2. Параскева Е.В. К вопросу о роли категории мотива в русской неореалистической прозе начала XX века // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (36). – С. 31 – 36
3. Параскева Е.В. Феномен преобразования и система мотивов в рассказе И.С. Шмелёва «Куликово поле» // Научный диалог. – 2017. – № 3 (63). – С. 92 – 104.
4. Параскева Е.В. Мотив дома в дореволюционном творчестве И.С. Шмелёва // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6 (72): в 3-х ч. Ч. 2. – С. 41 – 45.

Другие публикации:

5. Параскева Е.В. Хронотопические мотивы в романе И.С. Шмелёва «Солнце мёртвых» // Известия Научно-координационного центра по профилю «Филология» (ВГПУ – ВОИПКИПРО). – Выпуск VIII. – Воронеж: Издательский дом Алейниковых, 2010. – С. 81 – 84.
6. Параскева Е.В. Система повествовательных мотивов в ранней прозе И.С. Шмелёва // Творческая индивидуальность писателя в контексте культурной традиции: сборник статей региональной научно-практической конференции с международным участием (23–24 ноября 2012 года); отв. ред. Н. А. Дворяшина. – Сургут: РИО СурГПУ, 2012. – С. 84 – 94.
7. Параскева Е.В. «...мы все хотим, чтобы он превратился»: к вопросу о функционировании мотива преобразования в повести И.С. Шмелёва «Распад» //

Материалы II Всероссийской с международным участием очно-заочной конференции молодых учёных «Litteraterra: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы» (20-21 декабря 2012 года); отв. ред. Е. Ю. Шер. – Екатеринбург: ФГБОУ «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – С.119 – 129.

8. Параскева Е.В. Функционирование мотива преображения в повести И.С. Шмелёва «Распад» // Уральский филологический вестник. Русская классика: динамика художественных систем. – 2012. – № 6. – С. 79 – 87. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=33237

9. Параскева Е.В. Мотив «блудного сына» в повести И.С. Шмелёва «Человек из ресторана» // Словесное творчество: знак – образ – смысл: сб. ст. Всероссийской научно - практической конференции с международным участием (г. Сургут, 15–16 ноября 2013 г.); отв. ред. Д. В. Ларкович. – Сургут: РИО СурГПУ, 2013. – С. 97 – 102.

10. Параскева Е.В. Актантная схема и концепция народного характера в повести И.С. Шмелёва «Богомолье» // Актуальные проблемы филологии: Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых. Литературоведческие доклады. Екатеринбург, 24 апреля 2014 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – С. 139 – 145.

11. Параскева Е.В. Мотив пути в повести И.С. Шмелёва «Богомолье» // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: сборник материалов I (XV) Международной конференции молодых учёных (3–5 апреля 2014 года). – Вып. 15: в 2 т. – Т.2.: Литературоведение. – Томск: изд - во Том. ун-та, 2015. – С. 79 – 84.

12. Параскева Е.В. Система мотивов в повести И.С. Шмелёва «Стена» // Дергачёвские чтения – 2014: Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций: материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Екатеринбург, 6–7 октября 2014 г.) / [отв. ред. О.В. Зырянов]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 106 – 110.